

Ильиничну Васильеву. Через три года волею судеб я оказалась в одной из его первых парижских квартир — на пятом, кажется, этаже, по нашим меркам очень приличной, по их — весьма скромной. И Саня с гордостью показывал, как разрослась его коллекция, демонстрировал альбомы, эскизы декораций к спектаклям, которые он еще только мечтал поставить когда-нибудь, и неподражаемо рассказывал о своих подругах — старых дамах еще из той, первой волны эмиграции. Его речь разительно отличалась от нашей, засоренной сленгом и очередными модными бессмысленными словечками. Он говорил по-старомосковски, и аромат ушедшей безвозвратно эпохи заполнял небольшую квартиру.

А потом я стала получать открытки из самых разных стран и городов. Какой-нибудь экзотический вид, несколько строк, порой написанных толстым золотым фломастером. Когда перестройка открыла границы, Саня стал приезжать в тогда еще Союз, читал лекции по истории моды. Мне довелось делать интервью с ним, восхищаясь его знанием предмета, высоким профессионализмом, изысканным юмором и парадоксальностью суждений.

Он по-прежнему дружил со старыми дамами и мог подолгу рассказывать об их судьбах, привычках и разных милых подробностях их девяностолетней жизни.

И вот оказалось, что интерес его был не праздным, и не только Саня, любезный и внимательный, скрасил закат их нелегкой и трагической порой жизни, но и они дали ему фантастический материал, которым стала их жизнь. Их борьба за выживание. Но и в этих суровых условиях неласковых эмигрантских будней они сохранили то, что помогло им не просто выжить — жить. Они пронесли через всю жизнь веру в Красоту, научились служить ей, стали ее хозяйками и служительницами. Женщины с удивительными лицами, манящими линиями прекрасных тел и одухотворенными взглядами продолжили на чужбине карьеру танцовщиц, актрис, стали манекенщицами и хозяйками домов моды и законодательницами моды. Они внесли и в парижскую жизнь особую утонченность и шик людей, привыкших к красоте и богатству, не понимавших, как можно появиться на людях неодетой, непричесанной, не комильфо.

Разрозненные записки, многие метры, а может и километры магнитофонных пленок, которые Саня кропотливо записывал, собирал и копил, обрели черты уникального по-своему труда, названного "Красота в изгнании". Саня не только записывал воспоминания своих немолодых подруг, он собирал фотографии, афиши. Выкупал костюмы. Он любит рассказывать историю о том, как одна дама, жена миллионера, взяла с собой, уезжая из России, несколько сундуков нарядов, и приказала их не распаковывать, уверенная, что революция продлится "минут пятнадцать". Но революция не закончилась за указанный срок, время шло, наряды выходили из моды, и дама стала шить себе новые платья. Позже она не распаковывала сундуки, боясь моли, которая наверняка завелась в больших шубах. Открыли сундуки десятилетия спустя, и именно Саня Васильев купил уникальные вещи. Не просто платья, а комплекты — платье, туфли, зонтик, шляпка, перчатки, сумочка, собрав коллекцию туалетов начала века.

Неизвестно, как сложилась бы жизнь Саниного труда, но неожиданно — о, этот случай! Саню познакомили с главным редактором издательства "Слово", Санины записи произвели на него впечатление, а груда материала превратилась в хорошо организованную, богато иллюстрированную и прекрасно изданную в Италии на великолепной бумаге книгу. Это издание так изысканно само по себе, что, кажется, хранит пряный запах экзотических духов.

Презентация этой книги состоялась в Доме актера. Актеры, модельеры, известные театральные художники, бывшие Санины сокурсники и почитатели его таланта, литераторы, и представители модных журналов, где сотрудничает Васильев (он пишет для ВОГ), слушали Санины рассказы, смотрели слайды, прониклись духом тех лет. А на сцену поднимались родственники и близкие люди героинь этой книги.

Судьбы и красота тех женщин мерцала и на наших утомленных серых, "зимних" лицах, с которых уходила усталость и раздражение. А Саня рассказывал забавные истории, например, о своей столетней подруге, которая как-то пожаловалась ему, что стала хуже видеть и слышать и резюмировала — старею (!).

Наверное, это то, чего нам так не достает — прикосновение к красоте, рассказ о прекрасных женщинах, сумевших сохра-

нить не только дар внешности, но и человеческое достоинство.

Вечер вела критик Вера Максимова, для которой все рассказанные истории давно стали фактом ее творческой биографии — несколько лет она работает в зарубежных архивах над книгой о русских актрисах в изгнании — Рощиной-Инсаровой, Плевичкой, Германовой... На этой встрече Вера Максимова получила предложение от главного издателя "Слова" напечатать и ее книгу.

А Саня... Готовит новую книгу. О людях 40-50-х годов. Он как прилежный Пимен запечатлевает уходящую натуру. Он оставляет лица и судьбы. Облик времени, который помогает приблизиться к пониманию его сути. Он не учит — но мы извлекаем урок достойной жизни.

Валентина ФЕДОРОВА

Александр

03.99

ВЗГЛЯД И НЕЧТО

К

огда Саня Васильев жил еще в Москве и был студентом школы-студии МХАТ, он, не в пример нам, ленивым и нелюбопытным, а скорее беспечным и не очень образованным, собирал какие-то ридикюльчики, кружева, бинокли, — короче, рухлядь (!), которая стала основой его замечательной коллекции костюмов эпохи Серебряного века.

Потом Саня оказался в Париже, уже не очень надеясь увидеть снова отца — известного театрального художника и живописца, портретиста Александра

Красота, которая не исчезнет

Павловича Васильева и маму, прелестную женщину, актрису, преподавателя сценречи в школе-студии МХАТ Татьяну

экран и сцена